

Давид Рикардо
**НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
И НАЛОГОВОГО ОБЛОЖЕНИЯ**

Ricardo David

The Principles of Political Economy and Taxation. Vol. 1, Ch. 7.

О внешней торговле

Ни при каком расширении внешней торговли сразу не возрастет уровень стоимости в стране, несмотря на то, что он внесет значительный вклад в увеличение массы товаров, а следовательно, количества удовольствий. Так как стоимость всех иностранных товаров измеряется количеством продукта нашей земли и труда, отдаваемого в обмен на них, то стоимость не увеличится даже если, открыв новые рынки, мы получим удвоенное количество иностранных товаров в обмен на определенное количество наших. Если, купив английских товаров на сумму 1000 ф. ст., торговец сможет приобрести некоторое количество иностранных товаров, которое он сможет продать на английском рынке за 1200 ф. ст., то, таким образом используя свой капитал, он получит 20% прибыли; однако большее или меньшее количество приобретенных иностранных товаров не увеличит и не уменьшит его доходы или стоимость ввезенных товаров. То, что он ввозит, например двадцать пять или пятьдесят бочек с вином, никак не отражается на его процентах, если, продав в первый раз двадцать пять, а во второй пятьдесят бочек, он получит все те же 1200 ф. ст. В любом случае, его прибыль на капитал ограничена 200 ф. ст. или 20%, и в любом случае в Англию ввозится одна и та же стоимость. Если пятьдесят бочек проданы более чем за 1200 ф. ст., то прибыли этого отдельно взятого торговца превысят общую норму прибылей и капитал будет свободно вливаться в это выгодное дело до тех пор, пока падение цены на вино не приведет все на прежний уровень.

Действительно, велись споры по поводу того, что большие прибыли, которые иногда получают отдельные торговцы благодаря внешней торговле, поднимут общую норму прибылей в стране и что отвлечение капитала от других занятий с целью вложения его в новую и выгодную внешнюю торговлю вызовет рост цен в целом и, следовательно, увеличение прибылей.

Высшим авторитетом было сказано, что при неизбежном вложении меньшего капитала в выращивание хлеба, производство сукна, шляп, обуви и т. п. при постоянном спросе на них, цена на эти товары увеличится настолько, что прибыли фермера, шляпника, суконщика и обувщика, а также иностранного торговца возрастут.

Сторонники этого аргумента согласятся со мной, что прибыли от различных занятий стремятся к взаимному соответствию; они вместе увеличиваются и уменьшаются. Наше расхождение заключается в следующем: они утверждают, что равенство прибылей будет достигнуто их общим увеличением, а я придерживаюсь того мнения, что прибыли, получаемые от благоприятствуемой торговли, быстро снизятся до общего уровня.

Так, во-первых, я отрицаю, что на выращивание хлеба, изготовление сукна, шляп, обуви и т. п. будет неизбежно направлен меньший капитал, за исключением случаев снижения спроса на эти товары; и если это так, то цена на них не поднимется. Для покупки иностранных товаров будет использована одинаковая, большая или меньшая, часть продуктов земли и труда Англии. Если подобным образом используется одинаковая часть, то на сукно, обувь и шляпы существует тот же спрос, что и прежде, и на их производство направляется одинаковая часть капитала. Если при покупке иностранных товаров используется меньшая часть ежегодно производимых продуктов земли и труда Англии в силу того, что цена первых ниже, то на покупку других товаров останется больше денег. Если спрос на шляпы, обувь, хлеб и т. п. будет выше, чем прежде, что вполне вероятно, если будут потребители иностранных товаров, в распоряжении которых находится дополнительная часть выручки, то будет и капитал, на который ранее была закуплена большая часть иностранных товаров; так что при большем спросе на хлеб, обувь и т. п. существуют также и способы обеспечения возросших поставок, а следовательно не могут постоянно расти ни цены, ни прибыли. Если бы при покупке иностранных товаров использовалось больше продукта земли и труда Англии, то меньше бы вкладывалось в покупку других товаров и следовательно требовалось бы меньше шляп, обуви и т. п. Одновременно с высвобождением капитала из производства обуви, шляп и т. п., необходимо больше вкладывать в производство тех собственных товаров, на которые покупаются иностранные; и следовательно во всех случаях спрос на иностранные и отечественные товары вместе взятые, насколько это касается стоимости, ограничивается выручкой и капиталом страны. Если одно возрастает, другое должно уменьшаться. Если количество вина, ввозимого в обмен на одинаковое количество английских товаров удваивается, англичане могут либо потреблять удвоенное по сравнению с прежним количество вина, либо то же количество вина и большее количество английских товаров. Если бы моя выручка составляла 1000 ф. ст., на которые бы я ежегодно покупал одну бочку вина за 100 ф. ст. и определенное количество английских товаров за 900 ф. ст., то при падении цены на вино до 50 ф. ст. за бочку я смог бы выложить сэкономленные 50 ф. ст. либо на покупку еще одной бочки вина, либо на приобретение большего количества английских товаров. Если бы я купил больше вина и так сделал бы каждый, кто его пьет, то это никоим образом не отразилось бы на внешней торговле. В обмен на вино вывозилось бы одинаковое количество английских товаров, и мы получили бы удвоенное количество вина, а не его удвоенную стоимость. Но если я и другие покупали бы то же количество вина, что и прежде, то на вывоз бы шло меньшее количество английских товаров, а пьющие вино могли бы купить либо те товары, которые были вывезены раньше, либо любые другие, которые им нравятся. Капитал, необходимый для их производства, восполнился бы капиталом, высвобожденным из внешней торговли.

Существуют два способа накопления капитала: деньги можно экономить либо вследствие увеличения выручки, либо уменьшив потребление. Если моя прибыль возрастает с 1000 до 1200 ф. ст., притом что мои расходы остаются прежними, то ежегодно я накапливаю на 200 ф. ст. больше, чем раньше. Если я экономлю 200 ф. ст. на своих расходах, притом что моя прибыль остается прежней, то получаю тот же самый эффект: к моему капиталу ежегодно прибавляется 200 ф. ст. Купец, который ввез вино после того, как его прибыли увеличились с 20 до 40%, вместо покупки английских товаров на 1000 ф. ст., должен покупать их за 857 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс. при этом продавая вино, которое он ввозит в обмен на эти товары, за 1200 ф. ст., либо если он продолжает покупать свои английские товары за 1000 ф. ст., он должен поднять цену на вино до 1400 ф. ст. Таким образом, он получит 40 вместо 20% прибыли к своему капиталу. Но если вследствие дешевизны всех товаров, на которые купец потратил свою выручку, он и другие потребители смогут сэкономить 200 ф. ст. с каждой 1000 ф. ст., потраченной ими ранее, то они внесут более эффективный вклад в подлинное богатство страны. В одном случае экономия осуществляется вследствие увеличения выручки, в другом — вследствие снижения расходов.

Если внедрение механизмов уменьшит стоимость большей части товаров, на которые расходуется выручка на 20%, я смогу экономить так же эффективно как если бы моя выручка увеличилась на 20%, но в одном случае норма прибыли постоянна, а в другом — на 20% больше. Если посредством внедрения дешевых иностранных товаров я смогу сэкономить 20% на своих расходах, то эффект будет точно таким же, как если бы механизмы снизили затраты на их производство, а прибыли бы не возросли.

Следовательно, расширение рынка не влияет на увеличение нормы прибыли, хотя такое расширение может быть одинаково эффективным при увеличении массы товаров и может позволить нам увеличить фонды, направленные на поддержание труда и на материалы, к которым этот труд может быть приложен. Для счастья человечества не имеет значения, увеличивается ли количество наших удовольствий посредством лучшего распределения труда, когда каждая страна выпускает те товары, к производству которых она приспособлена благодаря своему местоположению, климатическим условиям, другим природным или искусственным преимуществам, и обменивает их на товары других стран, или же рост их является результатом увеличения нормы прибыли.

В продолжение всей работы я старался показать, что рост нормы прибылей невозможен иначе, как при снижении заработной платы, и что заработная плата не может снижаться постоянно, если не уменьшается количество предметов первой необходимости, на которые расходуется эта заработная плата. Следовательно, если путем расширения внешней торговли или усовершенствования механизмов, продукты питания и предметы первой необходимости рабочего попадут на рынок по сниженной цене, то прибыли возрастут. Если вместо того, чтобы выращивать свой собственный хлеб или производить одежду и другие предметы первой необходимости рабочего, мы откроем новый рынок, который будет снабжать нас этими товарами по более низкой цене, то заработная плата упадет, а прибыли увеличатся. При этом норма прибыли не изменится, если купленные дешевле в силу расширения внешней торговли или усовершенствования механизмов товары — единственно потребляемые богатыми. Даже если стоимость вина, бархата, шелка и других дорогих товаров упадет на 50%, это не отразится на уровне заработной платы и значит прибыли останутся прежними.

Таким образом, внешняя торговля, несмотря на то, что она очень выгодна для страны, так как увеличивает количество и разнообразие предметов, на которые может быть потрачена выручка, массой и дешевизной товаров создавая стимулы для экономии и накопления капитала, не стремится увеличить прибыли, за исключением случаев ввоза товаров такого типа, на которые может быть потрачена заработная плата рабочего.

Те замечания, которые были сделаны в отношении внешней торговли, в полной мере относятся и к внутренней. Лучшим распределением труда, внедрением механизмов, устройством дорог и каналов или любым сокращением затрат труда на производство или перевозку товаров невозможно увеличить норму прибылей. Это причины, которые влияют на цену и всегда будут крайне выгодны потребителям, так как позволяют одинаковым трудом или стоимостью продукта одинакового труда получить в обмен большее количество товаров, произведенных с помощью усовершенствований, однако они никоим образом не воздействуют на прибыли. С другой стороны, любое снижение платы за труд увеличивает прибыли, но не оказывает никакого влияния на цену товаров. Одно выгодно всем классам, так как все классы – потребители; другое приносит выгоду только производителям – они выигрывают больше, но цены на все товары остаются прежними. В первом случае они получили то же, что и прежде, но обменная стоимость всего, на что тратится их выручка, уменьшается.

Правило, регулирующее относительную стоимость товаров одной страны, не регулирует относительную стоимость товаров, которыми обмениваются две или более стран.

В условиях системы совершенно свободной торговли каждая страна направляет свой капитал и труд в те предприятия, которые ей наиболее выгодны. Эта погоня за частной выгодой поразительным образом связана с всеобщим благом всех стран. Стимулируя промышленность, вознаграждая изобретательность и наиболее эффективно используя особенные силы, дарованные природой, она наиболее разумно и экономно распределяет труд. Увеличивая при этом основную массу продуктов, она распространяет общую выгоду и связывает едиными узами заинтересованности и взаимоотношений народы всего цивилизованного мира. Именно этот принцип определяет, что вино должно производиться во Франции и Португалии, хлеб должен выращиваться в Америке и Польше, а скобяные и другие товары производиться в Англии.

Вообще говоря, в одной и той же стране прибыли всегда находятся на одном и том же уровне, различия же возникают только в силу большей или меньшей степени надежности и соответствия помещения капитала. Это неприменимо к обмену между различными странами. Если бы прибыль на капитал, вложенный в Йоркшире, превысила прибыль на капитал, вложенный в Лондоне, то из Лондона капитал быстро переместился бы в Йоркшир, что привело бы к равенству прибылей. Но если в силу снижения уровня производительности на возделываемых землях Англии, вследствие роста капитала и населения поднялась бы заработная плата и упали прибыли, то из этого бы не следовало, что капитал и население из Англии обязательно переместились бы в Голландию, Испанию или Россию, где прибыли могли быть выше.

Если бы у Португалии не было торговых связей с другими странами, то вместо того, чтобы использовать большую часть своего капитала и промышленности в производстве вина, на которое она покупает нужные ей сукно и скобяные изделия других стран, она была бы вынуждена направить часть своего капитала на производство этих товаров, которые, таким образом, получала бы, скорее всего, худшего качества и в меньшем количестве.

Количество вина, которое она отдаст в обмен на английское сукно, не обуславливается соответствующим количеством труда, занятого в производстве каждого из этих товаров, что имело бы место, если бы оба из них производились в Англии или в Португалии.

Условия Англии могут быть таковы, что производство сукна может потребовать труда 100 человек в год, а если бы она попыталась заняться виноделием, то на тот же период ей мог бы потребоваться труд 120 человек. Следовательно, Англия сочтет более выгодным ввозить вино и покупать его в обмен на вывоз сукна.

Для производства вина в Португалии может потребоваться труд только 80 человек в год, а производство одежды в этой же стране может потребовать труда 90 человек в течение того же периода. Следовательно, ей будет выгодно вывозить вино в обмен на сукно. Такой обмен мог бы осуществиться, даже несмотря на то, что товар, ввозимый Португалией, мог бы производиться внутри страны с меньшими, чем в Англии, затратами труда. Хотя Португалия могла бы производить сукно, используя труд 90 человек, она ввезет его из той страны, где производство сукна требует труда 100 человек, потому что ей выгоднее употребить свой капитал на производство вина, в обмен на которое она получит больше сукна из Англии, чем производить его самой, переместив часть капитала из виноделия в производство сукна.

Таким образом, Англия отдала бы продукт труда 100 человек в обмен на продукт труда 80-ти. Такой обмен не мог бы осуществиться между жителями одной и той же страны. Труд 100 англичан нельзя обменять на труд 80 англичан, но продукт труда 100 англичан можно обменять на продукт труда 80 португальцев, 60 русских или 120 жителей Ост-Индии. В этом отношении разницу между одной и несколькими странами легко объяснить, рассмотрев те трудности, с которыми капитал перемещается из страны в страну в поисках более выгодного предприятия, и ту интенсивность, с которой он неизменно переходит из одной области в другую внутри одной и той же страны.¹

Без сомнения, капиталистам Англии и потребителям обеих стран было бы выгодно, чтобы при таких обстоятельствах как вино, так и сукно производились бы в Португалии и чтобы поэтому капитал и труд Англии, занятые в изготовлении сукна, с этой целью переместились бы в Португалию. В таком случае принцип регулирования относительной стоимости этих товаров был бы таким же, как если бы одно было продуктом Йоркшира, а другое — Лондона; и в любом другом случае если бы капитал свободно перемещался в те страны, где его помещение было бы наиболее выгодным, то не существовало бы разницы в норме прибылей и никакой другой разницы в действительной цене или цене труда, затраченного на производство товаров, кроме дополнительного количества труда, необходимого для перевозки товаров на различные рынки их сбыта.

Опыт тем не менее показывает, что предполагаемая или действительная ненадежность капитала при отсутствии над ним прямого контроля его владельца, а также естественное нежелание последнего оставить свою родину и связи и вверить себя вместе со своими ус-

¹ Тогда окажется, что страна, которая обладает значительными преимуществами в области механизмов и мастерства и поэтому может производить товары с меньшими, чем соседние страны, затратами труда, в обмен на эти товары может ввозить часть необходимого ей хлеба, даже если ее земли более плодородные и хлеб можно вырастить с меньшими затратами труда, чем в той стране, откуда его ввозят. Обувь и шляпы могут изготавливать два человека – и один превосходит другого и в том и в другом, но в изготовлении шляп один лучше, чем другой только на одну пятую, или на 20%, а в изготовлении обуви он лучше его на одну треть, или на 33%. Не будет ли выгоднее обоим, если более умелый займется изготовлением обуви, а менее умелый – изготовлением шляп?

тоявшимися привычками чужому правительству и новым законам сдерживают эмиграцию капитала. Эти чувства, ослабление которых вызвало бы у меня сожаление, заставляют почти каждого собственника скорее довольствоваться низкой нормой прибылей в своей стране, чем искать более выгодного помещения своего состояния в иностранных государствах.

Золото и серебро, выбранные общим средством обращения, посредством коммерческой конкуренции распределяются между разными странами мира в такой пропорции, чтобы приспособиться к естественному процессу торговли, который имел бы место при отсутствии этих металлов, а торговля между странами осуществлялась бы только путем товарообмена.

Следовательно, сукно нельзя ввозить в Португалию, если оно продается там за меньшее количество золота, чем стоит в той стране, откуда вывозится; и вино нельзя ввозить в Англию, если оно будет продаваться там дешевле, чем стоит в Португалии. Если бы торговля велась только путем товарообмена, она осуществлялась бы только до тех пор, пока производство сукна в Англии было бы настолько дешево, что определенное количество труда, занятое в производстве сукна, позволяло бы ей приобрести вино в количестве большем, чем то, которое она сама могла бы произвести, а также до тех пор, пока промышленность Португалии приносила бы противоположные результаты. Теперь представим, что Англия открыла такой способ изготовления вина, что ей стало выгоднее выращивать виноград, а не ввозить вино. Естественно, что часть капитала, занятого во внешней торговле, она переместит во внутреннюю. Она перестанет производить сукно на вывоз и займется виноградарством для своих нужд. Денежная цена этих товаров будет регулироваться соответствующим образом. Цена на вино упадет, а цена на сукно останется прежней. В Португалии же цена ни на один из этих товаров не изменится. Сукно некоторое время будут продолжать вывозить из Англии, так как цена его здесь останется ниже, чем в Португалии, но вместо вина в обмен на него будут отдавать деньги до тех пор, пока накопление их здесь и уменьшение за границей не окажет такого влияния на относительную цену на сукно в обеих странах, что вывозить его будет невыгодно. Если бы усовершенствования в области виноделия носили существенный характер, то обеим странам могло бы стать выгодным сменить род занятий: Англии производить все вино, а Португалии – все сукно, потребляемые ими обеими. Но сделать это можно только посредством нового распределения драгоценных металлов, которое должно поднять цену на сукно в Англии и снизить ее в Португалии. Относительная цена на вино упала бы в Англии в силу реального преимущества, полученного благодаря усовершенствованию производства, другими словами, упала бы его естественная цена, при этом благодаря накоплению денег поднялась бы относительная цена на сукно.

Таким образом, предположим, что до усовершенствования производства вина в Англии цена на него была 50 ф. ст. за бочку, а цена определенного количества сукна – 45 ф. ст., тогда как в Португалии цена того же количества вина составляла 45 ф. ст., а того же количества сукна – 50 ф. ст. Вино вывозили бы из Португалии, получая 5 ф. ст. прибыли, а сукно везли бы из Англии, получая такую же прибыль.

Предположим, что после усовершенствования производства цена на вино в Англии падает до 45 ф. ст., а цена на сукно остается на прежнем уровне. Каждая торговая сделка – сделка независимая. До тех пор пока купец может покупать сукно в Англии за 45 ф. ст. и продавать его в Португалии, получая обычную прибыль, он будет вывозить его из Англии. Его дело – просто купить английское сукно и оплатить его векселем, который он покупает на португальские

деньги. Ему не важно, что станет с его деньгами: переведя вексель, он освободился от долга. Несомненно, его сделка регулируется теми условиями, на которых он может получить вексель, но на тот момент они ему известны, поэтому ему нет дела до причин, которые могли бы повлиять на рыночную цену векселя или на курс обмена.

Если рынки благоприятствуют вывозу вина из Португалии в Англию, то вывозящий вино будет и продавцом векселя, который купит либо вывозящий сукно, либо тот, кто продал ему этот вексель. Таким образом, товары купцов обеих стран будут оплачены без необходимости перевода денег в любую из них. При отсутствии прямых сделок друг с другом деньги, оплаченные в Португалии ввозящим сукно, пойдут португальцу, вывозящему вино. При этом в Англии при переуступке того же векселя вывозящий сукно приобретет право на получение его стоимости от ввозящего вино.

Но если бы цены на вино были такими, что его нельзя было бы ввезти в Англию, то ввозящий сукно все равно купил бы вексель. При этом цена его была бы выше вследствие того, что его продавец знает об отсутствии на рынке встречного векселя, с помощью которого он смог бы окончательно рассчитаться по сделке, заключенной между двумя странами. Он мог бы знать, что золотые и серебряные деньги, которые он получил в обмен на этот вексель, должны быть действительно переданы его корреспонденту в Англии, чтобы оплатить по тому векселю, право на получение стоимости которого он получил, поэтому в цену векселя он мог бы включить все будущие расходы, а также свою честную и обычную прибыль.

Тогда если его премия по векселю, выставленному на Англию, равна прибыли, получаемой от ввоза сукна, то этот ввоз, естественно, прекратится. Но если премия по векселю составит всего 2%, если для погашения долга в 100 ф. ст. в Англии в Португалии нужно выплатить 102 ф. ст., тогда как сукно стоимостью в 45 ф. ст. продавалось бы по 50 ф. ст., то сукно будет ввозиться, векселя покупаться и деньги будут вывозиться до тех пор, пока уменьшение их в Португалии и накопление в Англии не приведут к такому состоянию цен, при котором продолжать такой обмен будет уже невыгодно.

Но уменьшение денег в одной стране и увеличение их в другой влияет на цену не только одного, но и всех товаров, поэтому цены на вино и сукно поднимутся в Англии и снизятся в Португалии. Цена на сукно, которая составляет 45 ф. ст. в одной стране и 50 ф. ст. в другой, вероятно упадет до 49 ф. ст. или 48 ф. ст. в Португалии и поднимется до 46 ф. ст. или 47 ф. ст. в Англии и после уплаты премии по векселю не позволит торговцу получить существенную прибыль, которая заставила бы его ввозить этот товар.

Именно поэтому деньги распределяются между странами только в таких количествах, которые необходимы для регулирования прибыльного товарообмена. Англия вывозила сукно в обмен на вино, поскольку таким образом ее промышленность становилась более производительной; у нее было больше сукна и вина, чем если бы она сама для себя производила и то и другое; также и Португалия ввозила сукно и вывозила вино, поскольку промышленность Португалии могла быть занята производством вина с большей выгодой для обеих стран. Если допустить, что станет труднее производить сукно в Англии или вино в Португалии или станет легче производить вино в Англии, а сукно в Португалии, то торговля должна тотчас же прекратиться.

В отношении Португалии никаких изменений не происходит, тогда как Англия считает, что может с большей продуктивностью занять свой труд в производстве вина; при этом товарообмен между двумя странами мгновенно изменяется. Прекращается не только вывоз вина

из Португалии, но происходит и новое распределение драгоценных металлов, и ввоз сукна в нее также прекращается.

Пожалуй, обе страны будут заинтересованы в производстве своего собственного вина и своего собственного сукна, но результат при этом будет необычным: хотя вино в Англии и подешевеет, но цена на сукно повысится, и потребитель заплатит за него больше, тогда как в Португалии потребители вина и сукна получают возможность покупать эти товары дешевле. В стране с усовершенствованным производством цены повысятся, в той же, где ничего не изменилось, но которая была лишена такой прибыльной отрасли, как внешняя торговля, цены упадут.

Тем не менее это лишь кажущееся преимущество Португалии, поскольку уменьшится общее количество сукна и вина, производимых в этой стране, в то время как количество тех же товаров, производимых в Англии, увеличится. Деньги в обеих странах несколько изменят свою стоимость, которая снизится в Англии и повысится в Португалии. В денежном выражении вся выручка Португалии уменьшится; выраженная тем же способом, вся выручка Англии увеличится.

Таким образом, далее оказывается, что усовершенствование производства в любой из стран имеет тенденцию к изменению распределения драгоценных металлов между народами мира: оно ведет к увеличению количества товаров одновременно с увеличением общих цен в той стране, где происходит такое усовершенствование.

Для упрощения вопроса я предполагал, что торговля между двумя странами ограничена двумя товарами – вином и сукном, однако хорошо известно, что список ввозимых и вывозимых товаров включает в себя большое число различных наименований. Отток денег из одной страны и накопление их в другой влияют на цены всех товаров и, следовательно, поощряется вывоз не только денег, но и множества других товаров, что, в свою очередь, предотвращает возникновение того огромного влияния на стоимость денег, которого можно было бы ожидать при иных обстоятельствах.

Помимо усовершенствования ремесел и механизмов существует много других причин, воздействующих на естественный ход торговли, которые нарушают равновесие и относительную стоимость денег. Ввозные или вывозные премии, новые налоги на товары, в некоторых случаях прямым, а в других своим косвенным воздействием нарушают естественный товарообмен, создают закономерную необходимость ввоза и вывоза денег для регулирования цен в соответствии с естественным ходом торговли. И такой эффект возникает не только в стране, где имеет место причина нарушения, но в большей или меньшей степени в каждой из стран мира торговли.

В известной степени этим можно объяснить различную стоимость денег в различных странах; этим объясняется, почему цены на товары, производимые внутри страны, и цены на огромное их большинство, хотя и имеют сравнительно низкую стоимость, независимо от других причин выше в тех странах, где процветает производство. Из двух стран с абсолютно одинаковым числом жителей, одинаковым количеством земли при возделывании равно плодородной, а также при одинаковом уровне знаний о сельском хозяйстве цены на сырой продукт будут выше в той, в производстве вывозимых товаров которой используются лучшие умения и механизмы. Отличаться, вероятно, будет норма прибыли, но незначительно, поскольку заработок или действительное вознаграждение рабочего может быть одинаковым в обеих странах. Однако более высокую денежную оценку как эта заработная плата, так и

сырой продукт получают в той стране, куда в обмен на ее товары деньги ввозятся в избытке благодаря преимуществам, которые дают ей умения и механизмы.

Если бы одна из этих стран обладала преимуществом в производстве товаров одного качества, а другая — в производстве товаров другого качества, то ни в одной из них не имел бы места ярко выраженный приток драгоценных металлов. Однако если это преимущество значительно перевешивает в пользу любой из этих стран, такой результат неизбежен.

В предыдущей части этого труда в целях аргументации предполагалось, что деньги всегда обладают одинаковой стоимостью. Здесь мы стараемся показать, что кроме обычных изменений стоимости денег и изменений, общих для всего мира торговли, существуют также и частные изменения, которым подвергаются деньги в отдельных странах; и действительно, то, что стоимость денег не бывает одинаковой в двух различных странах, зависит, что так и есть, от относительного налогового обложения, производственных умений, преимуществ климатических условий, природных ресурсов и от многих других факторов.

Хотя между тем деньги и подвергаются таким бесконечным изменениям, а следовательно, значительно отличаются и цены на товары, общие для многих стран, это никоим образом не отражается на норме прибыли, независимо от того, имеет место приток или отток денег. Капитал не увеличивается, так как происходит рост средств обращения. Если рента, которую фермер платит землевладельцу, и заработная плата, выплачиваемая им рабочим, будут в одной стране на 20% выше, чем в другой, и если в то же время номинальная стоимость капитала фермера будет на 20% больше, он получит точно такую же норму прибыли, хотя ему и придется продавать производимый им сырой продукт на 20% дороже.

Прибыль, как это неоднократно повторялось, зависит от заработной платы — не от номинальной, а от действительной заработной платы; не от количества фунтов, которые ежегодно выплачиваются рабочему, а от количества рабочих дней, необходимых для получения этих фунтов. Поэтому заработная плата может быть абсолютно одинаковой в двух странах, она может быть одинаково соразмерна ренте и всему продукту, получаемому от использования земли, несмотря на то что в одной из стран рабочий получает 10 шиллингов в неделю, а в другой — 12 шиллингов.

На ранних стадиях развития общества, когда успехи производителей незначительны, продукт всех стран практически одинаков и состоит из массовых и наиболее необходимых товаров, стоимость денег в разных странах в основном регулируется удаленностью последних от рудников, откуда доставляются драгоценные металлы; но по мере того, как в обществе развиваются ремесла и продолжают совершенствования, различные народы преуспевают в отдельных видах производства, стоимость драгоценных металлов в значительной степени регулируется превосходством этих видов производства, несмотря на то что все еще приходится считаться с их удаленностью.

Предположим, что все народы производят только хлеб, скот и грубое сукно и что золото можно получить в странах, производящих и вывозящих эти товары, либо в тех, которые распоряжаются последними. Естественно, что в Польше золото будет иметь большую меновую стоимость, чем в Англии в силу больших затрат на доставку такого объемного товара как хлеб на такое дальнее расстояние, а также в силу больших затрат на перевозку золота в Польшу.

Эта разница в стоимости золота, или, что одно и то же, разница в цене хлеба в двух странах, существовала бы, несмотря на то, что английские средства производства хлеба

превосходили бы польские за счет более плодородной земли и преобладающих навыков и орудий рабочего.

Тем не менее если бы Польша первая усовершенствовала свое производство, если бы ей удалось создать товар, повсеместно пользующийся спросом, заключающий большую стоимость в малом объеме, или если бы только на нее пало благословение обладания какими-нибудь природными ресурсами, которых нет в других странах, но которые нужны всем, то в обмен на этот товар она получила бы дополнительное количество золота, которое повлияло бы на цену производимых ею хлеба, скота и грубого сукна. Невыгодное в отношении расстояния положение Польши будет, пожалуй, более чем компенсировано выгодой обладания вывозимым товаром большей стоимости, а стоимость денег в ней будет всегда ниже, чем в Англии. С другой стороны, если бы преимущество обладания умениями и механизмами принадлежало Англии, то к существующей уже причине прибавилась бы еще одна, в силу которой золото в Англии имело бы меньшую стоимость, чем в Польше, а хлеб, скот и сукно в последней имели бы более высокую цену.

Я считаю, что единственно эти две причины регулируют сравнительную стоимость денег в разных странах мира, поскольку хотя обложение налогами и вызывает нарушение денежного равновесия, это вызвано тем, что оно лишает страну, в которой вводится, преимуществ, связанных с обладанием навыками, промышленностью и климатическими условиями.

Я постарался провести тщательное различие между низкой стоимостью денег и высокой стоимостью хлеба или любого другого товара, с которым деньги можно сравнить. Общепринято, что оба понятия означают одно и то же; при этом очевидно, что когда цена на хлеб возрастает с 5 до 10 шиллингов за бушель, то это происходит или из-за падения стоимости денег, или по причине роста стоимости хлеба. Поэтому мы видим, что вследствие необходимости обрабатывать раз за разом землю все более худшего качества для того, чтобы прокормить растущее население, относительная стоимость хлеба должна расти по отношению к другим предметам. Следовательно, если стоимость денег не изменяется, то в обмен на хлеб будет получено больше этих денег, т. е. он вырастет в цене. Подобный же рост цены на хлеб произойдет в результате такого усовершенствования механизмов, занятых в производстве, которое позволит производить товар с особенной выгодой, так как последствием этого станет приток денег, стоимость которых упадет, а следовательно, в обмен на них будет получено меньше хлеба.

Рост цены на хлеб, вызванный как повышением стоимости хлеба, так и снижением стоимости денег, приводит к абсолютно различным результатам. В обоих случаях денежная цена заработной платы возрастает но, будучи следствием снижения стоимости денег, поднимутся в цене не только заработная плата и хлеб, но и все остальные товары. Если производителю придется увеличить заработную плату, то он больше получит и за производимые им товары, при этом норма прибыли не изменится. Но если повышение цены на хлеб происходит в результате трудности производства, прибыли упадут, поскольку производителю придется платить более высокую заработную плату, но он не сможет возместить свои убытки, подняв цену на производимые им товары.

Всякое усовершенствование горнорудного оборудования, с помощью которого можно добывать драгоценные металлы, используя меньшее количества труда, в целом понизит стоимость денег. Деньги затем во всех странах будут обмениваться на меньшее количество товаров. Когда же какая-нибудь отдельная страна преуспеет в области производства, что

вызовет приток денег в эту страну, стоимость денег снизится, и цены на хлеб и труд в этой стране будут относительно выше, чем в любой другой.

Обменный курс не будет диктовать эту более высокую стоимость денег; векселя будут в обращении по номинальной цене, хотя цены на хлеб и труд в одной стране будет на 10, 20 или 30% выше, чем в другой. При наличии предполагаемых обстоятельств такая разница в ценах – естественный порядок вещей, и номинальным курс обмена может быть только тогда, когда в страну, преуспевающую в области производства, попадает количество денег, достаточное для того, чтобы поднять цену на хлеб и труд этой страны. Если бы иностранные государства ввели запрещение на вывоз денег и заставили подчиняться такому закону, то они действительно могли бы воспрепятствовать росту цен на хлеб и труд страны-производителя, поскольку такой рост может иметь место только после притока драгоценных металлов, если предположить, что бумажные деньги не в ходу. Однако они не смогли бы предотвратить неблагоприятный для них курс обмена. Если бы Англия была страной-производителем и имелась бы возможность предотвратить вывоз денег, то курс обмена между Францией, Голландией и Испанией мог бы для этих стран быть на 5, 10 или 20% выше.

При любой принудительной остановке потока денег, мешающей установлению их на справедливом уровне, не существует границ для возможных вариантов курса обмена. Результаты подобны тем, которые возникают, когда в обращение вводятся бумажные деньги, не подлежащие обмену на звонкую монету по желанию их обладателя. Такие средства необходимо привязаны к стране, которая их выпустила: образовавшись в значительном излишке, в большинстве случаев они не могут проникнуть в другие страны. Уровень обращения нарушен, и курс обмена неизбежно становится неблагоприятным для той страны, где такие средства в избытке. К подобным результатам привело бы и обращение металлических денег, если бы насильственно, путем издания законов, которые нельзя обойти, деньги удерживались бы в стране, тогда как торговый поток толкал бы их по направлению к другим странам.

Когда в каждой стране денег ровно столько, сколько должно быть, то, без сомнения, деньги в них будут иметь разную стоимость, так как по отношению ко многим товарам разница может составлять 5, 10 или даже 20%, но курс обмена будет номинальным. За 100 английских ф. ст. или за содержащееся в них серебро, можно купить вексель на 100 ф. ст. или равное количество серебра во Франции, Испании или Голландии.

Говоря о курсе обмена или о сравнительной стоимости денег в разных странах, мы ни в коей мере не должны ссылаться на стоимость денег, выраженную в товарах любой из стран. Курс обмена устанавливается не путем оценки сравнительной стоимости денег, заключенных в хлебе, сукне или любых других товарах, но всегда путем оценки стоимости денежных средств одной страны, заключенной в денежных средствах другой.

Курс валюты также можно установить, сравнив его с общим для обеих стран стандартом. Если на вексель в 100 ф. ст., выданный на Англию, можно будет купить количество товаров во Франции или Испании, равное тому, которое можно купить на равноценный вексель, выданный на Гамбург, то курс обмена между Гамбургом и Англией номинальный; но если на вексель в 130 ф. ст., выданный на Англию, нельзя купить ничего, кроме векселя в 100 ф. ст., выданного на Гамбург, то курс обмена на 30 % не в пользу Англии.

В Англии за 100 ф. ст. можно купить вексель или право получить 101 ф. ст. в Голландии, 102 ф. ст. во Франции и 105 ф. ст. в Испании. В этом случае говорят, что курс обмена с Англией

на 1% не в пользу Голландии, на 2% не в пользу Франции и на 5% не в пользу Испании. Такая ситуация указывает на то, что уровень денежных средств в этих странах выше, чем нужно, и что сравнительная стоимость денежных средств Англии и этих стран незамедлительно вернется к номиналу, если уменьшить ее в этих странах и увеличить в Англии.

Те, кто считал, что наши деньги обесценились за последние десять лет, когда курс обмена менялся от 20 до 30% не в нашу пользу, никогда не оспаривали, хотя их в этом обвиняли, тот факт, что по отношению к разным товарам деньги не могут иметь в одной стране большую стоимость, чем в другой. При этом они утверждали, что 130 ф. ст. можно удержать в Англии, только если те обесценены, но стоимость их, выраженная в деньгах Гамбурга или Голландии, не превышает стоимости слитка в 100 ф. ст.

Послав 130 кредитоспособных английских ф. ст. в Гамбург, даже при расходах в 5 ф. ст., я имел бы там 125 ф. ст.; что же тогда заставило бы меня согласиться отдать 130 ф. ст. за вексель, который принес бы мне 100 ф. ст. в Гамбурге, если не то, что мои фунты были некредитоспособны? Они были бы ненадежными, их внутренняя стоимость была бы ниже гамбургских фунтов стерлингов, и если бы я действительно послал их туда, затратив на это 5 ф. ст., то проданы они были бы только за 100 ф. ст. Говоря о металлических фунтах стерлингах, никто не отрицает, что мои 130 ф. ст. принесли бы мне 125 ф. ст. в Гамбурге, но за бумажные фунты стерлинги я могу получить только 100 ф. ст.; и, тем не менее, утверждали, что 130 ф. ст. в банкнотах равнялись по стоимости 130 ф. ст. серебром или золотом.

Несомненно, у некоторых были более разумные основания утверждать, что 130 ф. ст. в банкнотах не равны по стоимости 100 металлическим ф. ст. Но те же люди говорили, что изменилась стоимость металлических, а не бумажных денег. Они хотели ограничить значение слова «обесценение» действительным падением стоимости, а не сравнительной разницей между стоимостью денег и тем стандартом, согласно которому она регулируется в соответствии с законом. Сто английских ф. ст. прежде составляли одинаковую стоимость со 100 ф. ст. Гамбурга, которые можно было на них купить: в любой другой стране на вексель в 100 ф. ст., выданный на Англию или на Гамбург, можно было купить абсолютно одинаковое количество товаров. Позднее за то же самое я вынужден был отдать 130 английских ф. ст., тогда как по гамбургскому векселю я мог бы купить эти товары за сто фунтов. Если бы тогда английские деньги имели ту же стоимость, что и прежде, то стоимость гамбургских денег должна была подняться. Но где тому доказательство? Как установить, упала стоимость английских денег или поднялась стоимость гамбургских? Нет образца, с помощью которого это можно было бы определить. Это довод, не принимающий доказательств, который нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть положительно. Народы мира должны были давно убедиться в том, что в природе не существует образца стоимости, на который они могли бы безошибочно полагаться, а потому выбрали средство, которое в целом казалось им более постоянным, чем любой другой товар.

Мы должны подчиняться этому образцу до тех пор, пока не изменился закон и пока не найден какой-нибудь другой товар, использование которого дало бы нам образец более совершенный, чем тот, который нами установлен. До тех пор пока золото представляет собой единственный образец в этой стране, деньги будут обесцениваться, если стоимость фунта стерлингов не будет равна пяти драхамм трем гранам золотого образца, независимо от того, падает или растет общая стоимость золота.